

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Мировоззрение одного из наиболее выдающихся историков IV в. Аммиана Марцеллина неоднократно изучалось в науке¹. Тем не менее в этом вопросе осталось немало спорного и нерешенного.

Аммиана Марцеллина часто считают последним великим римским историком. Нам думается, что это суждение верно лишь отчасти. Ведь нельзя провести непроходимой грани между позднеантичной и ранневизантийской историографией. Скорее можно наметить прямую преемственность между трудами римских и византийских историков. Справедливее считать Аммиана Марцеллина не только последним представителем античной историографии, но и первым крупным византийским историком. Он близок и римским, и византийским авторам, таким, как Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, которые, подобно Аммиану Марцеллину, во многом оставались еще на почве античной исторической науки.

Между тем представление об Аммиане как римском историке очень распространено в науке². Анализ как труда Аммиана, так и сравнение его произведения с сочинениями византийских авторов, в первую очередь Прокопия, быть может, прольет некоторый свет на эту проблему.

Грек по национальности, уроженец Антиохии, Аммиан Марцеллин (ок. 330—400 гг.) происходил из знатной антиохийской семьи и посвятил свою молодость военной карьере. По политическим и религиозным

¹ W. E n s s l i n. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus.—«Klio», Beiheft XVI, 1923; J. W. M a s k a i l. The Last Great Roman Historian.—«Classical Studies». New York, IX, 1921, p. 159—187; E. A. T h o m p s o n. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 1—133. Библиография — стр. IX — X; J. V o g t. Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit.—«Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», Jahrgang 1963, NR, 8, S. 3—27; C. de S p i g n o. Limiti e pregi della storiografia di Ammiano Marcellino («Atti Accad. Nazion. dei Lincei, Rendiconti sc. moral., stor. e filolog.», V), 1950, p. 387 sg.

² В. С. С о к о л о в. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.—ВДИ, 1959, № 4; J. W. M a s k a i l. The Last Great Roman Historian.—«Classical Studies». New York, IX, 1921, p. 159—187; F. W e h r l i. Die Geschichtsschreibung im Lichte der antiken Theorie.—«Eumusia. Festgabe für E. Howald». Erlenbach — Zürich, 1947, S. 55 ff.; M. L. W. L a i s t n e r. The Greater Roman Historians («Sather Classical Lectures», 21), 1947, p. 141 sg.; V. P ö s c h l. Die römische Auffassung der Geschichte.—«Gymnasium», 63 (1950), S. 190 ff.; A. W. G o m m e. The Greek Attitude to Poetry and History («Sather Classical Lectures», 27 (1954)); H. F r e y e r. Über das historische Sehen, in Weltgeschichte Europas. Stuttgart, 1954; C. P. T. N a u d é. Ammianus Marcellinus in die Lig van die antike Geschiedskrywing. Diss. Leiden, 1956; H. T r ä n k l e. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber.—«Antike und Abendland», 11 (1962).

убеждениям Аммиан Марцеллин был приверженцем императора Юлиана Отступника и сторонником восстановления языческой религии. Вместе с императором Юлианом Аммиан Марцеллин участвовал в походе против персов и был свидетелем гибели этого императора³. После смерти Юлиана и краха его реформаторской деятельности Аммиан Марцеллин покинул военную службу, некоторое время жил как частное лицо в родной Антиохии, а затем переехал в Рим, где и окончил свои дни.

Именно в древней столице Римской империи Аммиан Марцеллин, уже на склоне своих лет, написал исторический труд на латинском языке, известный под названием «Res Gestae»—«Деяния»⁴.

Это произведение было задумано автором как продолжение знаменитого исторического сочинения Тацита и охватывало значительный промежуток времени от правления императора Нервы до конца IV в.⁵ Источниками Аммиана были и произведения античных авторов, и устная традиция⁶.

До наших дней, однако, сохранилось лишь 18 книг труда Аммиана Марцеллина (кн. 14—31), посвященных событиям 353—378 гг.⁷

К счастью, мы располагаем именно той частью сочинения этого историка, где, за редким исключением, описываются события, современником, а зачастую и участником которых был сам автор. В сохранившихся книгах своего труда Аммиан Марцеллин предстает перед нами отнюдь не как компилятор, а как мыслящий историк, глубоко озабоченный судьбами Римского государства, стремящийся добросовестно осветить события своего времени. В его сочинении подкупает достоверность фактического материала, большинство его известий выдерживает проверку данными других источников⁸. Во многом это объясняется тем, что основой исторического повествования Аммиана Марцеллина служили его собственные жизненные наблюдения и рассказы очевидцев⁹.

Аммиан сам остро сознавал все трудности, стоящие на пути историка, пишущего о современности. Марцеллин прямо говорит, что первоначально он боялся описывать ближайшую современность, чтобы избежать опасностей, которые нередко подстерегают правдивых повествователей, и суда непрошенных критиков, требующих изложения мелочей, вроде того, что сказал за столом какой-либо император. Миссия же историка значительно важнее. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения, которое должно освещать лишь важнейшие события и не вдаваться в излишние подробности. Однако, презрев опасность и невежественные суждения простаков, наш историк смело вступил на путь описания жизни современного ему общества¹⁰.

³ A. K l o t z. Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Persefeldzug.—«Rheinisches Museum», 1916, 71. Bd., S. 461 ff.

⁴ Am m i a n i M a r c e l l i n i r e r u m g e s t a r u m e d. C. U. Clark, vol. I. Berolini, 1910; vol. II. Berolini, 1915; Ю. К у л а к о в с к и й и А. С о н н и. Аммиан Марцеллин. «История», перевод с латинского, вып. I. Киев, 1906; вып. II. Киев, 1907; вып. III. Киев, 1908.

⁵ A m m i a n. M a r c., XXXI, 16.

⁶ O. S e e c k. Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus.—«Hermes», 41 (1906), S. 481 ff., W. K l e i n. Studien zu Ammianus Marcellinus.—«Klio», Beiheft XIII, 1914, S. 40 ff.; S J a n n a c c o n e. Ammiano Marcellino. Napoli, 1961; P. d e J o n g e. Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus, Bd. I—IV. Groningen, 1935—1953.

⁷ L. J e e p. Die verlorenen Bücher der Ammianus.—«Rheinisches Museum», 63. Bd., S. 60 ff.; G. B. P i g h i. Ammiani Marcellini rerum gestarum capita selecta. («Bibl. Neocomensis», 2), 1948; W. S o n t h e i m e r. Der Excurs über Gallien bei Ammianus Marcellinus (XV, 9—12).—«Klio», 1926, XX. Bd., S. 19—53.

⁸ G. B. P i g h i. Studia Ammianeae. Milano, 1935; i d e m. Nuovi Studi Ammianeae. Milano, 1936.

⁹ M. B ü d i n g e r. Ammianus Marcellinus und die Eigenart seines Geschichtswerkes.—«Denkschr. Kaiserl. Ak. der Wissenschaften Wien», Phil.-hist. Klasse, 44, 5 (1899), S. 28 ff.

¹⁰ A m m i a n. M a r c., XXVI, 1, 1—2.

По своему мировоззрению Аммиан Марцеллин был открытым приверженцем античного мирозерцания, религии и философии. Всю жизнь он оставался язычником, хотя и осуждал излишнее увлечение внешними сторонами языческого культа. Ему были чужды проявления грубого языческого антропоморфизма, его более влекла мистическая философия неоплатоников, особенно Плотина. Аммиан Марцеллин уже отказался от наивной веры во множество языческих богов, отдав предпочтение монотеистическим представлениям о едином высшем верховном божестве, управляющем миром¹¹. Огромное влияние на него оказал неоплатонизм, он верил в безграничное превосходство духа над плотью, в бессмертие души. Вместе со своим любимым героем — императором Юлианом — он считал, что смерть — это благословенный дар богов, великая радость перехода в иную жизнь. Описывая кончину императора Юлиана, Аммиан Марцеллин рассказывал, насколько на смертном одре Юлиан был проникнут идеей античных философов, что дух много выше тела, а всякое отделение лучшего элемента от худшего должно порождать радость, но не скорбь¹². Император благодарил «вечного бога» за сладостную смерть, ибо он уходил из мира не из-за тайных козней врагов, не от жестокой и продолжительной болезни, не погибал смертью осужденного на казнь, а умирал в расцвете своей славы. «В равной мере, — добавляет историк, — трус тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит ее, когда пришел его час»¹³.

Аммиан Марцеллин верил в существование гениев-хранителей человека. Благодаря внушениям своих гениев, по его мнению, возвысились и достигли славы такие великие люди, как Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, Сципион Старший, Марий и Октавиан, Гермес Тримегист, Аполлоний Тианский и Плотин. Историк с особым уважением говорит о философских творениях Плотина. Именно у него Аммиан заимствует учение о гениях-хранителях. Плотин, по его словам, «решил объяснить подобные мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, хранят их, дают высшее знание, если они чисты и свободны от скверны, которая привносится от сочетания духа с телом»¹⁴.

Аммиан Марцеллин очень высоко ставил античную философию и для своего времени достаточно хорошо знал труды философов различных школ и направлений¹⁵. Так, восхищаясь учением Платона и неоплатоников, он упоминает также Аристотеля и философов-материалистов — Гераклита Эфесского, Демокрита и др. Наш историк знаком с атомистикой Лукреция Кара¹⁶ и с похвалой отзываясь о занятиях натурфилософией и естественными науками¹⁷. Он зачитывается не только речами, но и философскими произведениями Цицерона. Колыбель научной мысли и античной образованности для Аммиана Марцеллина — восточные области империи. Так, он считал Александрию чуть ли не единственным центром, где еще процветали науки, в то время как в западной части империи и философия, и естественные науки пришли в упадок.

¹¹ W. E n s s l i n. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus.—«Klio», Beiheft XVI, 1923, S. 50—54.

¹² A m m i a n. M a r c., XXV, 3.15.

¹³ Ibid., 3.19; D. C o n d u c h é. Ammien Marcellin et la mort de Julien.—«Latomus», 24, 1965, p. 359—380.

¹⁴ A m m i a n. M a r c., XXI, 14.5. Историк подчеркивает, что в поэмах божественного Гомера не сами герои общались с богами, а их гении (ibidem).

¹⁵ Эти факты противоречат мнению В. С. Соколова о том, что Аммиан Марцеллин с глубоким равнодушием относился к философским учениям и, несмотря на греческое образование, слабо разбирался в современной ему философии (В. С. Соколов. Указ. соч., стр. 49).

¹⁶ A m m i a n. M a r c., XXVI, 1.1; W. E n s s l i n. Op. cit., p. 66—76.

¹⁷ A m m i a n. M a r c., XXVIII, 4.34.

Именно в непреходящей мудрости Египта черпали свои знания великие ученые и законодатели древности: Пифагор, Анаксагор, Солон. Оттуда же воспринял свои идеи и Иисус, который для Аммиана Марцеллина — не бог, а один из «учителей мудрости», основатель новой религии¹⁸. В Александрии «есть еще дух жизни в учителях наук, циркуль геометра вскрывает там различные тайны, не смолкла у них совсем и музыка, не иссякла гармония, поддерживают, хотя и немногие, наблюдения мирового движения и течения небесных светил, немало есть ученых, занимающихся числами..., развита медицина»¹⁹.

Аммиан Марцеллин с большой горечью оплакивает упадок античной науки в его время. В городах империи, за исключением Александрии, наука и философия преданы забвению. Знать в Риме, по его словам, ничего не читает, кроме Ювенала и Мариа Максима — писателей, способных лишь пересказывать занимательные истории и придворные сплетни. Знатные люди «боятся науки, как яда»²⁰, хотя им-то как раз особенно необходимо иметь обширные знания. В назидание знатным невеждам историк приводит рассказ о Сократе, который перед самой своей смертью хотел выучить неизвестные ему стихи поэта Стесихора, «чтобы уйти из жизни, зная еще нечто большее»²¹. Вместо занятия науками знать и народ Рима предаются безумным увлечениям конными ристаниями, вместо философов и риторов огромной популярностью в «Вечном городе» пользуются мимы, шуты, продажные танцовщицы. Среди знати занятие науками уступает место забавам позорной праздности, на пирк вельможе вместо философа приглашают певца, вместо ритора — комедианта, «библиотеки же заперты навек, как гробницы»²².

Страстное негодование нашего историка вызывают гонения на языческую науку и философию, возобновленные в империи после краха реформ Юлиана Отступника. Он осуждает правительство Валента и Валентиниана I за инспирирование процессов против языческих философов, ложно обвиняемых в чародействе. Во время одного из подобных процессов, согласно рассказу Аммиана, был арестован знаменитый языческий философ Максим из Эфеса, человек с блистательным ученым именем, учитель императора Юлиана. По ложному обвинению Максим был казнен, испытав на собственном опыте, что из всех преступлений самое тяжкое — несправедливость судьи²³.

Трагическим гимном в честь стойкости человеческого духа звучит у Аммиана описание гибели, по воле разъяренных деспотов, прославленных языческих ученых — философов Пасифила и Симонида. Оба эти философа мужественно приняли смерть, они даже под пыткой не желали оклеветать невинных людей и проявили необычайное величие души. Свирепый судья, взбешенный твердостью духа Симонида, приказал сжечь его живым. Философ принял смерть с необычайной стойкостью: «Готовый убежать от жизни как от свирепой владычицы, с насмешкой над внезапным крушением дел мира сего, Симонид неподвижно стоял в пламени своего костра, следуя примеру знаменитого философа Перегрина (Протея)»²⁴.

¹⁸ Ibid., XXII, 16.19—22. Аммиан Марцеллин упоминает многих ученых и философов: Аристарха, Геродиана, учителя Плотина Аммония Саккаса, Дидима Халкентера и др. (ibid., XXII, 16.16).

¹⁹ Ibid., XXII, 16.17—18.

²⁰ Ibid., XXVIII, 4.14.

²¹ Ibid., XXVIII, 4.15.

²² Ibid., XXVII, 4.6—35.

²³ Ibid., XXIX, 1.42.

²⁴ Ibid., XXIX, 1.39.

Философы-мученики рисуются Аммианом Марцеллином как люди не только мужественные, но беспредельно честные и строгие «ревнители добродетели».

Аммиан Марцеллин обличает вандализм палачей императора Валента, которые сжигали ценнейшие рукописи и книги античных авторов как якобы запрещенную литературу языческого характера, захваченную в домах осужденных язычников. На самом же деле эти книги были безобидного в политическом отношении содержания и включали главным образом литературные произведения античных авторов или юридические трактаты ²⁵.

По всей империи пылали костры, где жгли языческие книги, во время обысков агенты правительства подсовывали невинным жертвам какие-либо фальшивые заклатья, обвиняли в чародействе и казнили многих. «По всему Востоку, из страха подобных бедствий, каждый предавал огню свою библиотеку» ²⁶. Не все, однако, в поведении современных ему философов импонирует Аммиану: он осуждает их за излишнее упорство в отстаивании своих мнений в вопросах, в которых они недостаточно осведомлены ²⁷. Он обвиняет их в нескромности и склонности к самовосхвалению. Опираясь на авторитет Цицерона, Аммиан Марцеллин с горькой иронией говорит, что философы на словах проповедуют скромность и презрение к славе, на деле же зачастую подписывают свое имя под теми произведениями, где сами призывают к отказу от прославления ²⁸. Но историк прощает эти слабости философам во имя их духовных богатств.

Почитатель античной науки и образованности, Аммиан Марцеллин не чужд, конечно, предрассудков своего времени: он верит в предсказание будущего, во власть Фемиды, открывающей веления рока. Он пытается дать философское и даже естественнонаучное толкование различных гаданий: бог вдохновляет предсказания — авгурии и ауспиции исходят не от птиц, не знающих будущего (ведь этого не станет утверждать и самый ограниченный человек), но бог направляет полет птиц. «Благое божество или за заслуги людей, или из сочувствия к ним — открывает таким способом им будущее». Способен познать грядущее и дух человеческий. В согласии с мистическим учением неоплатоников Аммиан Марцеллин считает, что «солнце — мировой разум, по определению физиков, исходит из себя наши души, как искры, и когда оно сильнее их воспламенит, то делает их способными познавать будущее» ²⁹.

Аммиан Марцеллин верит в предзнаменования и считает, что только в исключительных случаях, например ради защиты государства, можно пренебречь предсказаниями ³⁰.

В труде Аммиана Марцеллина еще господствует античное представление о всеилии рока, управляющего судьбами людей. По мнению историка, «никогда еще никакое человеческое могущество и никакая доблесть не могли спасти от предрешенного неизбежным роком» ³¹. Воздаяние за зло и добро человечеству посылает Адрастия (Немезида) — воплощение высшей правды, воздействующего на мир божества ³². Адрастии подвластен нескончаемый круговорот вещей, путами необходимости

²⁵ Ammian. Marc., XXIX, 1. 41.

²⁶ Ibid., XXIX, 2.4.

²⁷ Ibid., XXIII, 5.11.

²⁸ Ibid., XXII, 6.4.

²⁹ Ibid., XXI, 1.11. Аммиан Марцеллин защищает истинность предсказаний от нападок невежд. При этом он опирается на Цицерона, приводя его слова о том, что «знамения будущего даются нам богами. Если кто ошибся в них, то причина погрешности не в богах, а в человеческом толковании» (ibid., XXI, 1.14).

³⁰ Ibid., XXIII, 1.7.

³¹ Ibid., XXIII, 5.5; W. Seyfarth. Ammianus Marcellinus und das fatum. — «Klio», Beiheft 43—45, 1965, S. 291—306.

³² Ammian. Marc., XIV, 11.25—26.

она сокрушает человеческую гордыню, возвышая или низвергая людей. Адрастия — выражение вечной справедливости, жизнь людей наполнена примерами ее мудрых решений: так, в наказание за жестокости императора Валента она зажгла по всей стране огненный факел грозной Беллоны³³. Но, подобно античным авторам, Аммиан, хотя и верит в справедливость судьбы, вместе с тем глубоко подавлен беспощадной слепотой всесильного рока. Нередко трусы и негодяи по капризу судьбы побеждали достойнейших из людей. Все зыбко в человеческой жизни, изменчивость судьбы безгранична, капризы ее непостижимы. Человек, на которого рок налагает свою руку, тупеет и теряет ясность мысли³⁴, голос судьбы всегда невнятен, и смертным чаще всего не дано его постигнуть, ибо исход дела может быть совершенно иным, чем его понимают люди³⁵.

Примеры непостоянства судьбы, приводимые в труде Аммиана, весьма характерны для понимания социально-политической направленности мировоззрения нашего историка. Именно по велению слепого рока Эвн, безвестный раб из эргастула, стал предводителем восстания рабов. «А сколько знатных людей, — сокрушается Аммиан, — по воле судьбы обнимали ноги Вириата и Спартака», «сколько голов, перед которыми трепетали народы, пало под позорным топором палача!»³⁶. Единственным прибежищем человека, столь не защищенного от ударов судьбы, служит теплящаяся в его душе вера в конечную разумность действий Адрастии. Ведь «высшая правда божьего суда» проявляет свою волю как на жертвах, так и на их палачах³⁷. К сожалению, истинные веления рока непостижимы для людей, и поэтому в их сердца среди злодеяний, царящих в мире, часто закрадывается сомнение в справедливости судьбы.

Этические воззрения Аммиана Марцеллина формировались под непосредственным влиянием античной философии. Выше всего Аммиан ставил духовные качества человека. «По определению философов, — пишет он, — есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость, к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, властность, счастье и благородство»³⁸.

Вслед за Гераклитом Эфесским Аммиан видит высшее проявление доблести в обуздании могущественными владыками своих страстей, способных увлечь их к ненависти, гневу и ярости³⁹. Аммиана привлекает афоризм Цицерона: «благополучие — это удача в благородных деяниях, а счастье — судьба, помогающая добрым советом»⁴⁰.

Исследователей, изучавших историческое наследие Аммиана Марцеллина, постоянно интересовал вопрос об отношении нашего историка к христианству⁴¹. И по сей день эта проблема далека еще от своего разрешения. Между тем именно выяснение взглядов Аммиана на христианскую религию может пролить свет и на все мировоззрение этого историка.

Воззрения Аммиана Марцеллина на христианство отмечены печатью глубокой двойственности.

³³ Ibid., XXIX, 2.20.

³⁴ Ibid., XIV, 11.12.

³⁵ Ibid., XXIII, 5.8.

³⁶ Ibid., XIV, 11.29—34.

³⁷ Ibid., XIV, 11.24.

³⁸ Ammian Marcellinus, XXV, 4.1; H. Drexler. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer.—«Gymnasium», 61 (1954), S, 166 ff.

³⁹ Ammian Marcellinus, XXI, 16.14.

⁴⁰ Ibid., XXI, 16.13.

⁴¹ Salvatore D'Elia. Ammiano Marcellino e il Cristianesimo.—«Studi Romani», 1962, anno X, № 4, p. 372—390; A. Solem. Considerazioni circa Ammiano ed il Cristianesimo.—«Rivista di cultura classica e medioevale», anno VI, N 3, 1964. Roma, p. 224—261; A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D., in: «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century». Oxford, 1963.

В своем историческом труде Аммиан предстает перед нами прежде всего сторонником восстановления язычества как государственной религии. Он поддерживает религиозную реформу Юлиана Отступника, хотя и упрекает этого императора за чрезмерное увлечение обрядовой стороной языческого культа. Он сокрушается по поводу того, что при Юлиане без меры умножались религиозные церемонии, совершавшиеся с необычайной пышностью и требовавшие огромных расходов ⁴².

Вполне естественно, что Аммиану Марцеллину не нравилось какое-либо ущемление языческого культа и притеснение язычников. Он осуждает знать Восточной Римской империи за разграбление языческих храмов ⁴³.

Могучее обаяние античной цивилизации, приверженность к языческой религии в духе неоплатонизма, естественно, влекли Аммиана в лагерь противников христианства. Аммиан, однако, не был убежденным врагом и хулителем христиан, а скорее бесстрастным судьей, оценивающим не только пороки, но и достоинства христианской религии и церковной организации. В труде Аммиана Марцеллина уживается критическое отношение к христианству с уважением к этой религии и спокойной веротерпимостью.

Что же отталкивает Аммиана от христианства?

Язычнику Аммиану прежде всего глубоко антипатичны бесконечные раздоры внутри христианского духовенства и еретические течения среди приверженной к новой религии «черни».

Описывая религиозную политику Юлиана Отступника, Аммиан рассказывает, что Юлиан однажды созвал пребывавших в раздоре христианских епископов и раздираемый ересями народ и объявил полную свободу веры. Он сделал это в расчете, что, «когда свобода увеличит раздоры и несогласия, нечего будет опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан к своим инакомыслящим единоверцам» ⁴⁴.

Ожесточенность религиозных споров среди христиан и их фанатическая нетерпимость претили нашему историку. Его тревожила суетность и бесполезность бесконечных разъездов христианских епископов на церковные соборы и синоды. Словопрения на соборах не приносили пользы, а разъезды епископов перегружали почтовый тракт и ложились немалым бременем на государственную казну ⁴⁵. Но все это меркло перед кровавыми столкновениями, вызванными борьбой высших христианских церковных сановников за власть. Во время борьбы за папский престол в Риме, по словам историка, на улицах города было найдено 137 трупов. Претенденты на папский престол для достижения власти пускали в ход любые средства, поднимали на восстание чернь, проливали потоки крови ⁴⁶. Не менее опустошительными и кровавыми были религиозные столкновения среди христиан в Египте — колыбели восточных ересей. Аммиан самыми мрачными красками рисует церковную политику александрийского епископа Георгия, «наделенного змеиным жалом». Георгий, сын шерстобитного мастера из Киликии, поднялся из низов и достиг при императоре Констанции власти «на погибель людям». Он разжигал в народе религиозные распри, хотел разрушить языческий храм гения в Александрии, но чернь разгромила его дом, а самого его растерзала ⁴⁷.

⁴² Ammian. Marc., XXII, 12.7.

⁴³ Ibid., XXII, 4.3.

⁴⁴ Ibid., XXII, 5.4.

⁴⁵ Ibid., XXI, 16.18.

⁴⁶ Ibid., XVIII, 3.11—14.

⁴⁷ Ibid., XXII, 11.3—8.

Аммиан Марцеллин проводит непроходимую грань между погрязшим в стяжательстве высшим христианским духовенством и ведущими добродетельный образ жизни бедными сельскими священниками. Бичуя пороки церковных сановников в Риме, Аммиан сочными, грубоватыми мазками рисует картину большой жизненной правды. Высшие иерархи столь ожесточенно борются за папскую тиару отнюдь не из религиозных побуждений, а потому, что «по достижении этого сана им предстоит благополучие, возможность обогащаться добровольными приношениями матрон, развешивать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их яства превосходят царский стол»⁴⁸.

Растленной роскоши и суетному тщеславию высшего христианского духовенства Аммиан Марцеллин противопоставляет достойную бедность и благочестивое смирение провинциальных христианских священников. «Они (духовные сановники) могли бы быть поистине блаженны, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, стали бы жить по примеру иных провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питии, облакаясь в самые простые одежды и опуская свои взоры долу, заявляют себя перед вечным богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные»⁴⁹.

В труде Аммиана Марцеллина, наряду с обнажением язв христианской церкви, достаточно громко звучит проповедь веротерпимости в отношении христиан⁵⁰. Аммиан Марцеллин вполне толерантен: он признает нормальным одновременное существование и культа Адониса в Антиохии, и древнеегипетских культов, и христианства. Единственно по отношению к иудеям он проявляет нетерпимость⁵¹.

Призыв к веротерпимости у Аммиана вряд ли можно рассматривать лишь как возрождение древней римской традиции полного равнодушия и терпимости к существованию в империи всевозможных религиозных культов⁵². Думается, что идея более тесного сближения язычников и христиан уже глубоко укоренилась в общественном сознании того времени, и даже среди языческой интеллигенции она завоевывала все больше сторонников. Кроме того, не следует забывать, что труд Аммиана был написан в период правления императора Феодосия I, когда христианская религия вновь стала господствующей, и открыто высказывать какие-либо резко отрицательные суждения о христианстве было политически отнюдь не безопасно.

Основной религиозной политики римского государства наш историк предлагает выдвинуть умеренность и благожелательность в отношении всех культов, в том числе и христианства. Историк призывает уважать любую религию как проявление культуры народа. Отсутствие же религиозных представлений у некоторых племен, в частности у гуннов, с его точки зрения, является признаком варварства и необразованности⁵³.

Порою Аммиан Марцеллин в своем историческом сочинении выступает даже защитником христиан. Так, например, он упрекает императора Юлиана за чрезмерную подозрительность, а иногда и несправедливость к ним. Однажды, когда при Юлиане неожиданно сгорел храм Аполлона Дафнийского, император заподозрил в поджоге христиан. Эту версию опровергает Аммиан Марцеллин, сообщая, что храм сгорел случайно, из-за неосторожности философа Асклепиада⁵⁴. Тем самым историк оправ-

⁴⁸ Ibid., XXVII, 3.14.

⁴⁹ Ibid., XXVII, 3.15.

⁵⁰ Ibid., XXI, 1.8.

⁵¹ Ibid., XXII, 5.5.

⁵² В. С. Соколов. Указ. соч., стр. 59.

⁵³ Ammian. Marc., XXXI, 2.11.

⁵⁴ Ibid., XXII, 13.1—3. В другом месте Аммиан оправдывает христианского епископа, ложно обвиненного в сдаче одного города персам (ibid., XX, 7.9).

дывает христиан от тяжелого обвинения в сожжении знаменитого языческого храма.

Особенно сурового порицания заслуживает Юлиан, по мнению автора, за внесение в законодательство духа религиозной нетерпимости: этот император поставил в прямую зависимость от вероисповедания занятие преподавательской деятельностью. По словам Аммиана Марцеллина, «жестокой мерой и достойной вечного забвения было то, что он (Юлиан) запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского исповедания»⁵⁵.

В противовес этому, любые проявления веротерпимости в религиозной политике Юлиана Отступника приветствуются историком. Всячески, например, восхваляется беспристрастие этого императора; при разборе судебных дел он спрашивал, какую религию исповедует тот или иной из тяжущихся, однако его нельзя было упрекнуть в том, что «он хоть раз отступил от стези справедливости из-за религии или чего другого»⁵⁶.

Порицая распри между христианами, Аммиан Марцеллин одновременно без всякого энтузиазма рассказывает о борьбе язычников против христиан. При этом он не проявляет какого-либо пристрастия к сторонникам языческой религии и даже признает мужество и стойкость христиан в этой борьбе. Так, рассказывая о столкновениях язычников и христиан в Александрии, историк сообщает о фанатической непреклонности христиан, не уступавшей подвигам древнехристианских мучеников. Христиане, признает он, сохраняли незапятнанной свою веру, шли на славную смерть⁵⁷.

В сочинении Аммиана Марцеллина встречаются порою отзывы о христианской религии, проникнутые духом не только веротерпимости, но даже уважения. Так, при характеристике императора Констанция он осуждает религиозную политику этого правителя, но с пиететом говорит о самой христианской религии: «Христианскую религию, которую отличает цельность и простота, он (Констанций.— З. У.) сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого восприятия ее, он возбудил множество споров, а при дальнейшем их росте поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, заботясь о том, чтобы наладить весь культ в соответствии со своими решениями»⁵⁸.

Как при обличении пороков высшего христианского духовенства Аммиан отдает должное скромности и простоте бедных христианских священников, так и в данном случае он нетерпимо относится к нарушению простоты и цельности христианской религии религиозными словопрениями христианских епископов и вмешательством в эти пустые споры самого императора. Первоначальная чистота и простота христианства привлекает историка, современное ему состояние христианской церкви отталкивает его.

С чисто религиозной точки зрения Аммиан Марцеллин рассматривает христианство как одну из равноправных религий, а Иисуса Христа считает не богом, а мудрецом, основателем этой религии. В этом аспекте очень показателен отзыв Аммиана о Христе. Указывая, что Египет был источником всяческих знаний для многих мудрецов, он пишет: «Из этих источников черпал, не видав Египта, Иисус в возвышенном полете своих речей, он — соперник Юпитера, герой достославной мудрости»⁵⁹.

Итак, Аммиан Марцеллин, оставаясь язычником, отнюдь не был ревностным врагом христианства. Он даже отдавал должное христианской

⁵⁵ Ammian. Marc., XXII, 10.7.

⁵⁶ Ibid., XXII, 10.2.

⁵⁷ Ibid., XXII, 11.10.

⁵⁸ Ibid., XXI, 16.18.

⁵⁹ Ibid., XXII, 16.22.

религии раннего периода, не скрывая вместе с тем пороков современной ему христианской церкви и церковной иерархии.

Политический идеал государственного управления складывался у Аммиана под двойным воздействием как современной социально-политической борьбы, так и учения античных философов. Аммиан — сторонник сильной и справедливой монархической власти, опирающейся на мудрых помощников и чуждой личного произвола. В бурях современных ему политических столкновений историк ищет точку опоры в образе идеального императора. При этом он создает идеал правителя, отвлеченный и далекий от жизни⁶⁰. Власть есть, по определению философов, не что иное, как забота о благосостоянии другого; добрый же правитель обязан ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и побуждениями сильного гнева, он должен всегда помнить слова Цезаря, что воспоминания о жестокости — плохая опора для годов старости⁶¹.

Цель хорошего правления, заявляет автор, — выгода и благосостояние подданных, поддержание мира и особенно недопущение произвола, который является главным источником развращения нравов государства.

Отвлеченный идеал государственного правления, нарисованный Аммианом, находился в таком вопиющем противоречии с действительностью, что этот контраст прекрасно осознавался самим автором. И сила Аммиана Марцеллина как мыслителя и историка не в позитивной конструкции государственной власти, а в страстном обличении существующего политического строя⁶².

Аммиан Марцеллин достигает поистине огромного эмоционального накала и обличительного пафоса, когда он рассказывает о злодеяниях и пороках правителей империи. Описания в труде Аммиана мрачных картин террора, царящего на Востоке и Западе римского государства в IV в., по непримиримой ненависти и беспощадной обнаженности могут сравниться во всей римско-византийской историографии лишь с пропитанным ядом неумолимой сатиры инвективами Светония и Ювенала или с грозными обличениями «Тайной истории» Прокопия.

Первые страшные признаки террора проявились уже в правление Цезаря Галла. Доносы и казни обрушились прежде всего на старую патрицианскую знать. «Когда основанное на законе и справедливости правление было заменено кровавым произволом, стали приходиться в запустение богатые и знатные дома»⁶³. Шпионы и доносчики наводнили Антиолию, и люди «начали бояться даже стен, единственных свидетелей какой-нибудь тайны»⁶⁴. Цезарь Галл не давал пощады ни императорским сановникам, ни городской знати, ни простым людям⁶⁵.

Император Констанций, по характеристике Аммиана, «сносный государь», тоже был неумолим в вынесении смертных приговоров во время политических процессов по доносам клеветников. При нем царил не правый суд, а узаконенный разбой⁶⁶. В его правление многих знатных лиц казнили по пустому обвинению в тайном изготовлении царских одежд из тирского пурпура⁶⁷.

⁶⁰ J. S t r a u b. Vom Herrscherideal in der Spätantike.—«Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte», 18 (1939), S. 22 ff.; L. V a l e n s i. Quelques réflexions sur le pouvoir impérial d'après Ammien Marcellin.—«Bull. Assoc. G. Budé», Suppl. 16 (1957), p. 62 sq.

⁶¹ A m m i a n M a r c., XXIX, 2.18.

⁶² W. H a r t k e. Geschichte und Politik im Spätantiken Rom.—«Klio», Beiheft 45 (1940), S. 38 ff.

⁶³ A m m i a n M a r c., XIV, 1.4.

⁶⁴ Ibid., XIV, 1.6—7.

⁶⁵ Ibid., XIV, 7.2.

⁶⁶ Ibid., XIV, 9.2—6.

⁶⁷ Ibid., XIV, 9.7—9.

Но особенно неумолим наш историк в разоблачении злодеяний императоров Валента и Валентиниана I. Кровавые дела этих братьев-правителей противопоставляются мудрому царствованию Юлиана. «Достопамятные доблести императора Юлиана принижали,— пишет автор,— братья-императоры, не будучи сами ни равны ему, ни даже похожи на него»⁶⁸.

Террор при Валенте, пишет автор, был для многих знатных и известных людей хуже гибели на войне. Право и закон были лишь маской, все судебные дела рассматривались сообразно с желанием высокомерного властителя, и вопрос о жизни и смерти подсудимых решался по его прихоти⁶⁹. Доносы и казни доставляли Валенту дикую радость⁷⁰.

И с политической, и с нравственной точки зрения более всего негодует Аммиан по поводу победы произвола над законностью: «проявления произвола позволяют себе могущественные государи, потому что они не признают за друзьями права возражать против их дурных решений и поступков, а врагов устрашают величием своей власти. Для того, кто считает великим подвигом все, к чему склоняется его воля, нет вопроса о несправедливости»⁷¹. «Нет ничего столь дикого,— говорит Аммиан о Валенте,— как соединение свирепого характера с гордым высокомерием верховной власти»⁷².

Описывая страшный террор, воцарившийся на Востоке империи после подавления восстания Прокопия, Аммиан пишет: «Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не разбирая ни возраста, ни сана»⁷³. Неправый суд творился по всей стране и среди всех слоев общества. Валент, человек недалекий и трусливый, был развращен льстецами и истерзал государство «достойными слез убийствами»⁷⁴. Террор усиливался корыстолюбием императора и его придворных: «Они держали открытой свою пасть и считали милосердие слабостью»; «они развращали характер человека, носившего смерть на конце своего языка; как злой ураган, обрушивались они на все и спешили до основания разрушить самые богатые дома»⁷⁵. Судьи судили не по закону, а по воле владыки, и всех объял ужас; император же доходил до крайнего бешенства, как зверь в амфитеатре, если от него ускользнет приблизившийся к клетке человек»⁷⁶. Террор, начатый Валентом после раскрытия заговора нотариуса Феодора, Аммиан Марцеллин характеризует такими словами: «На глазах у всех убивали людей, словно резали скотину»⁷⁷.

Не менее страшная картина произвола рисуется автором при описании террора, проводимого Валентинианом I в Риме. Подозрительный и жестокий деспот, Валентиниан I по наущению своих клеветников начал в Риме целую серию процессов об отравлениях. Эти процессы были направлены против старой римской аристократии. Император стал подводить под закон об оскорблении величества дела о колдовстве, обвиняя знатных людей в том, что через лиц низкого звания они обращались к колдунам. Начались истязания сенаторов, освобожденных по закону от пыток⁷⁸. Рим стал свидетелем множества кровавых процессов и казней. Император

⁶⁸ Аммиан Марс, XXVI, 10 8.

⁶⁹ Ibid., XXVI, 10.10.

⁷⁰ Ibid., XXVI, 10.12.

⁷¹ Ibid., XXVII, 7.9.

⁷² Ibid., XXIX, 2.12.

⁷³ Ibid., XXVI, 10.9.

⁷⁴ Ibid., XXVII, 5.8.

⁷⁵ Ibid., XXIX, 1.19.

⁷⁶ Ibid., XXVIII, 1.27.

⁷⁷ Ibid., XXIX, 1.40.

⁷⁸ Ibid., XXVIII, 1.8—11.

не щадил ни пола, ни возраста. Было казнено много знатных римских матрон по обвинению в прелюбодеянии и безнравственности⁷⁹. В древней столице империи процветали доносы. По рассказу Аммиана, у префекта претория Максимиана, главного виновника террора, «всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой подвязывали доносы»⁸⁰. Аммиан Марцеллин, так же как и впоследствии византийский историк Прокопий, не жалеет самых сильных эпитетов для осуждения политики произвола ненавистных ему императоров.

В чем же причины столь откровенно обличительной направленности исторического сочинения Аммиана Марцеллина? Где следует искать корни его политической оппозиционности?⁸¹

Причины оппозиционности Аммиана Марцеллина, на наш взгляд, следует искать в политических настроениях старой римской аристократии и поддерживающей ее языческой интеллигенции. Аммиан, сам не принадлежа к высшим аристократическим слоям римского общества, в известной мере все же оказался рупором политических настроений фрондирующей против императоров senatorской знати⁸².

Аммиан Марцеллин, подобно Прокопию, проповедует ярко выраженные монархические идеи. Как и Прокопий, он осуждает отнюдь не принцип императорской власти, а только дурных правителей. Идеал государственного правления и для Марцеллина, и для Прокопия лежит в далеком и славном прошлом великой Римской державы. Симпатии наших историков вызывают лишь те императоры, которые воплощали античное понимание верховной власти как ответственности перед обществом и делегированной им. Как Прокопий, так и Марцеллин восстают против деспотизма отдельных современных им правителей и безудержно идеализируют деяния древних римских государей. Резко критическое отношение к влекущей их живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасающего величия Рима — вот идеи, которые роднят обоих этих авторов, отделенных друг от друга почти двумя столетиями.

Аммиана в известной степени сближает с Прокопием и то, что оба автора выносят обвинительный вердикт правительству за террор в отношении старой римской патрицианской знати. Аммиан, как и Прокопий, всегда подчеркивает, что Валент и Валентиниан I подвергали гонениям именно представителей знатных, зачастую еще языческих, патрицианских родов. При Валенте, пишет он, палачи напали на самые столпы патрициата⁸³. В этом отношении Аммиан Марцеллин является выразителем идеологии языческой оппозиции против гонений «христианских» императоров на старую родовую языческую знать. Но, как мы видели, вероисповедные мотивы у него при этом не играют первостепенной роли; несравненно более важное значение имеют политические симпатии или антипатии к тому или иному правителю, ибо с новым «христианским» императором Феодосием наш автор вполне мирится. Более того, он рас-

⁷⁹ Ibid., XXVIII, 1.28.

⁸⁰ Ibid., XXVIII, 1.36.

⁸¹ E. Auerbach. *Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur*. Bern, 1959, S. 56 (сравнение обличений Аммиана и Тацита), A. Demandt. *Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians*. Bonn, 1965.

⁸² В нашей литературе была сделана интересная попытка выяснить социальные корни политической оппозиционности Аммиана Марцеллина. См. Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин). — «Труды Одесского гос. ун-та», вып. 49, истфак, т. II, 1947, стр. 89—116. Сравнивая мировоззрение Ливания и Аммиана Марцеллина, автор приходит к выводу, что они оба были выразителями оппозиционных языческих идей средних свободных землевладельцев, близких к декуррионам.

⁸³ Ammian. Marc., XXIX, 2.9.

сыпается в похвалах царствующему государю, всячески прославляя его подвиги ⁸⁴.

Но, естественно, во взглядах Аммиана и Прокопия немало и существенных различий.

Прежде всего, в отличие от Прокопия, создававшего свой обличительный труд в глубокой тайне, Аммиан Марцеллин мог открыто обрушивать потоки хулы на головы уже сошедших с исторической сцены государей, ибо он писал свое сочинение в правление императора Феодосия, когда беспощадная критика предшествовавших царствований отнюдь не возбранялась, а наоборот, поощрялась новым правительством. На это намекает сам историк. Признаваясь со всей откровенностью в своем первоначальном намерении предать, опасаясь кары, молчаливому забвению все ужасы прошлых лет, он с радостью сообщает о благодетельных политических переменах, позволивших ему изменить это решение. В то время, когда он писал свое сочинение, он уже был уверен в более высоком уровне нравственности общества и мог говорить правду о прошедших днях ⁸⁵. Наш историк ликует по поводу того, что теперь «есть полная возможность высказывать свободно свое мнение» ⁸⁶.

Труднее объяснить другое весьма важное различие в политических взглядах Аммиана и Прокопия.

В противоположность Прокопию, который не только осуждает Юстиниана за преследования senatorской аристократии, но и всегда вссхваливает добродетели высшей римской знати, Аммиан Марцеллин дает потрясающую картину падения нравов самой этой родовитой римской аристократии. Разоблачения Аммианом Марцеллином пороков высшей римской знати порою превращаются в инвективу огромного эмоционального накала. Картина нравственного разложения римской аристократии настолько жива, что может быть только списанной непосредственно с натуры. Потрясающий контраст между былой, безвозвратно ушедшей в прошлое величавой чистотой нравов римской аристократии и царящей в современном обществе беспредельной развращенностью глубоко печалит автора.

Знатные люди в Риме чванятся роскошными шелковыми одеждами, гордо выступают в сопровождении огромной шумливой толпы рабов, охотно посещают термы и различные увеселения, больше всего интересуются блудницами и конными ристаниями, в то время как ранее по законам нравственности сенатору нельзя было даже поцеловать жену в присутствии собственной их дочери ⁸⁷. Ныне же сенаторы окружены толпами льстецов и лизоблюдов, играющих позорную роль паразитов древнегреческой комедии. Льстецы и болтуны целуют их колени и руки, высокопарно прославляют своих покровителей ⁸⁸.

Дни и ночи знать проводит в шумных и непристойных пирах, в безумной игре в кости. В среде знати слабы дружеские связи, зато сильны страсти за игорным столом. Аристократы пренебрегают наукой и бегут от нее, как от яда. В своей ленивой праздности они не берут в руки книги. Жадности знати нет предела, она только и думает о захвате чужого имущества. Патрицианская семья переживает глубокий упадок, любовь и верность преданы забвению, супруги всячески изощраются в вымогательстве друг у друга выгодных для них завещаний ⁸⁹. Нечестно нажитые состояния знати не приводят никого в смущение, а, наоборот, вызы-

⁸⁴ E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 87—107.

⁸⁵ Ammian. Marc., XXVIII, 1.2.

⁸⁶ Ibid., XXVII, 9.4.

⁸⁷ Ibid., XXVIII, 4.8—9.

⁸⁸ Ibid., XXVIII, 4.12.

⁸⁹ Ibid., XXVIII, 4.26.

вают зависть и стремление к подражанию⁹⁰. Аристократы делают безумные долги и не только не платят их, но всячески преследуют своих кредиторов, обвиняя их то в отравительстве, то сажая в тюрьму за мнимый долг⁹¹.

Упадок нравственности среди знати проявляется также в сочетании атеизма с самыми грубыми суевериями. «Многие из них,— пишет Аммиан,— отрицая существование высшего божества на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни обедать, ни выкупаться раньше, чем, основательно рассмотрев календарь, в точности не узнают, в каком созвездии находится Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна»⁹².

Аристократы жестоко обращаются со своими рабами, но никогда не забывают об их ценности. «Так, если раб несколько запоздает принести горячей воды, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он намеренно убьет человека и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то уж я его накажу»⁹³.

Свою убийственную характеристику знати Аммиан Марцеллин заканчивает цитатой из Цицерона: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу»⁹⁴.

Беспощадное разоблачение Аммианом знати, показывающее всю бездну падения ее нравов, на наш взгляд, имеет у этого историка вполне определенный адресат. Аммиан критикует не всю патрицианскую знать как социальную группировку, а представителей аристократических родов Рима, нанесших своим презрением тяжкое оскорбление самолюбивому писателю.

Известно, что грек Аммиан, поселившись в Риме, подвергся, как чужестранец, преследованию властей и временной высылке из города. В 383 г. в «вечном городе» наступил голод, и был издан приказ об изгнании из него всех иностранцев. В числе изгнанных оказался и наш историк. С глубокой обидой он рассказывает, что в то время, как из Рима удалили учителей с их учениками, по желанию знати в городе были оставлены три тысячи танцовщиц с их прислугой⁹⁵.

Кроме того, историческое произведение Аммиана первоначально было принято весьма холодно в кругах римской знати.

Виновниками своих злосчастий Аммиан считал представителей некоторых патрицианских родов «вечного города». Отсюда и обличения, порожденные оскорбленным самолюбием скромного по своему положению, но гордого своей образованностью интеллигента, тяготившегося презрением невежественных аристократов.

Позднее, однако, судьба вновь улыбнулась Аммиану. По возвращении в Рим он нашел влиятельных покровителей среди высшей римской аристократии в лице сенаторов Претекстата, отца и сына Симмахов и других образованных аристократов, приверженцев идеи возрождения былого величия великого Рима⁹⁶.

В кружке просвещенных знатоков из senatorской знати Аммиан, по рассказу Ливания, читал отрывки из своей книги. Его исторический труд удостоивается высокой похвалы строгих ценителей наук и

⁹⁰ Ibid., XXII, 4.3—5; XXIX, 1.43; XXX, 4.8.

⁹¹ Ibid., XXVIII, 4.25.

⁹² Ibid., XXVIII, 4.24.

⁹³ Ibid., XXVIII, 4.16.

⁹⁴ Ibid., XXVIII, 4.26.

⁹⁵ Ibid., XIV, 6.18—19.

⁹⁶ Ibid., XIV, 6.2.

искусств⁹⁷. И, конечно, не последнюю роль в подобной высокой оценке произведения Марцеллина сыграла общая политическая направленность его «Деяний». Последним представителям угасающей римской аристократии это историческое сочинение импонировало не только своим римским патриотизмом, консервативной приверженностью к традициям воинственного и некогда победоносного языческого Рима, но и своими оппозиционными настроениями в отношении деспотизма и своеволия императоров, вырвавшихся из-под влияния сената и сенаторской знати.

Итак, Аммиан, хотя и критикует пороки современной ему римской знати, одновременно сам заискивает перед ней и объективно является выразителем ее политических чаяний.

В науке последних десятилетий поднимался спорный вопрос об отношении Аммиана к муниципальной знати. Гипотеза о том, что Марцеллин был идеологом городских куриалов средней руки, нам кажется хотя и заманчивой, но все же еще недостаточно обоснованной⁹⁸. Эта теория опирается на благожелательные в отношении декурионов высказывания нашего автора. К сожалению, подобные похвалы куриалам в труде Аммиана весьма немногочисленны. Действительно, историк оплакивает упадок курий и осуждает насильственное прикрепление куриалов к куриям. Даже своего любимца Юлиана Отступника Марцеллин упрекает в излишней строгости к куриалам: «Жестко и достойно порицания было то, что при нем лишь с трудом находили свое право люди, зачисленные в курию, хотя бы они могли сослаться на привилегии, число лет службы и доказать свое совершенно иное происхождение. Вследствие этого многие в страхе откупались тайными подарками от тяготы этого звания»⁹⁹.

Муниципальные должности превратились в тягостную повинность для куриалов, что породило бегство из курий. Куриалы, по словам историка, за долги попадали в тюрьмы, кончали жизнь самоубийством или погибали под кнутом палача¹⁰⁰. Естественно, что это порождало недовольство среди куриалов и их участие в оппозиционных движениях — восстании Прокопия и заговоре нотариуса Феодора.

Сочувственное отношение Аммиана к куриалам его родного города Антиохии нашло свое выражение в том, что он встал на сторону куриалов в их споре с императором Юлианом из-за снижения цен на продукты, которое хотел провести Юлиан, заигрывая с народом Антиохии¹⁰¹.

Все это, однако, еще не дает права сделать окончательный вывод о том, что Аммиан Марцеллин отражал идеологию куриалов, настроенных оппозиционно к правлению таких императоров, как Валент и Валентиниан I.

Вместе с тем думается, что оппозиционные настроения муниципальной знати в какой-то мере также оказали свое влияние на формирование политических взглядов нашего автора.

Антидемократическая направленность мировоззрения Аммиана получила свое наиболее яркое выражение в том, что обличение пороков высшей знати уживается у него с глубоко презрительным отношением к народным массам. Особенно резкие нападки вызывает у Марцеллина люмпен-пролетарская беднота Рима, которую он не хочет отличать от трудовых ремесленников и мелких торговцев этого города. Аммиан яростно бичует пороки «справдливой и ленивой римской черни»¹⁰². «Всю свою жизнь, — пишет автор, — они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, уве-

⁹⁷ Liban., Ерр., 983 V.

⁹⁸ Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 93 сл.

⁹⁹ Ammian. Mag., XXII, 9.12.

¹⁰⁰ Ibid., XXX, 5.6, 10.

¹⁰¹ Ibid., XXII, 14.1—2.

¹⁰² Ibid., XXVIII, 4.28.

селениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний»¹⁰³. Толпа безумно увлекается конными ристаниями и без конца спорит о достоинствах возниц. «Безделие так въелось здесь в нравы, что лишь только забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще совсем взойти солнце, как все стремглав спешат, чуть не взапуски с самими колесницами, что будут состязаться»¹⁰⁴.

В соответствии с общей идеализацией нравов древнего Рима, Аммиан противопоставляет разнузданность современной ему «черни» благоразумию и целомудренности древнеримского плебса, прославляемого во многих творениях античных авторов. Современная же историку толпа не только обезумела от цирка и ристаний, но и играет роль клакеров на всех зрелищах. «А в каком-нибудь жалком театре выгоняют актеров свистом, если кто из них деньгами не закупит себе расположение черни»¹⁰⁵.

С особым раздражением осуждает Аммиан римскую чернь за нелепую ненависть к иностранцам. «Если театр в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужих, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента»¹⁰⁶.

В этих ядовитых словах проявляется личная неприязнь «чужака» Аммиана к коренному населению «Вечного города», суетно кичащемуся своим римским происхождением. Нет сомнения, что это тягостное чувство было порождено горькой судьбой чужеземца, вынужденного жить среди недружелюбного ему народа.

Сколько ненависти и презрения к «черни» сквозит в рассказе Аммиана о том, что в быту римского плебса был в его время необычайно распространен такой порок, как обжорство. «Ощущая запах съедобного, среди пронзительных криков женщин, с первыми петухами, как павлины, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда»¹⁰⁷.

Наиболее ожесточенную ненависть Аммиана, естественно, вызывают народные волнения, в том числе многочисленные бунты римского плебса¹⁰⁸. Из-за нехватки продовольствия в Риме постоянно вспыхивают волнения народа. Аммиан сурово осуждает «зверства» черни во время этих восстаний¹⁰⁹.

Описав столь мрачными красками «чернь» Рима, наш историк не менее суров к народным массам и других городов — как Востока, так и Запада, особенно Константинополя, Антиохии и Александрии. Он постоянно подчеркивает свирепость черни в Александрии, склонность ее к восстаниям¹¹⁰. Египтяне хвалятся рубцами на теле, полученными от палачей за неуплату налогов. По словам Аммиана, нет столь страшных пыток, которые могли бы заставить «закоренелого разбойника» этой страны назвать против воли настоящее его имя¹¹¹.

Аммиан всегда со страхом и неприязнью говорит об участии народных масс в солдатских бунтах¹¹², в восстании Прокопия¹¹³ и других движениях.

¹⁰³ Ibid., XXVIII, 4.29.

¹⁰⁴ Ibid., XXVIII, 4.30.

¹⁰⁵ Ibid., XXVIII, 4.32.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibid., XXVIII, 4.34.

¹⁰⁸ Н. Р. К о h n s. *Versorgungskrisen und Hungerrevolten im Spätantiken Rom* («Antiquitas», I.6), 1961, S.123 f., 233 f.

¹⁰⁹ Ammian. Marc., XXVII, 3.6—10; XXVII, 3.11—13.

¹¹⁰ Ibid., XXII, 11.4—8.

¹¹¹ Ibid., XXII, 16. 23.

¹¹² Ibid., XXI, 11.2—3.

¹¹³ Ibid., XXVI, 6.18; 7.1.

О рабах Аммиан Марцеллин обычно рассказывает лишь мельком. Для него рабство — обычное бытовое явление, недостойное особого упоминания.

Так, историк сообщает о работоторговле¹¹⁴, об отпуске рабов на волю¹¹⁵, об использовании рабов господами в преступных целях¹¹⁶. Он в известной степени отражает новые веяния в отношении к рабам, проявившиеся в IV в. Так, он с осуждением пишет, что персы так жестоки, что присваивают себе *право жизни и смерти над рабами* и людьми низкого происхождения¹¹⁷. Иными словами, по мнению автора, господин не может распоряжаться жизнью и смертью раба. Точно так же историк подчеркивает, что в его время привлечение рабов к суду в качестве свидетелей против господ было запрещено законом¹¹⁸. Аммиан с негодованием обличает одного негодного судью, который «при зловещем звяканье цепей мучил пытками и доводил до смерти рабов, истомленных продолжительным заключением, требуя от них показаний против их господина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствиях о прелюбодеяниях»¹¹⁹. Естественно, конечно, что участие рабов в восстаниях варваров, в частности в восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в. вызывает крайнюю тревогу у нашего историка¹²⁰.

В труде Аммиана Марцеллина с большой впечатляющей силой воссоздается картина острейшей классовой борьбы, охватившей в IV в. как Восточную, так и Западную империи. Восточные провинции были буквально наводнены отрядами разбойников — латронов. В 50—70-х годах IV в. в Малой Азии и Сирии латроны нападали «на богатые дома, виллы и города»¹²¹. В 50-х годах IV в. в Исаврии действия латронов расцениваются автором как «настоящая война», грозящая бедами Римскому государству. Опасность усугублялась тем, что латроны «не встречали никакого сопротивления»¹²², более того, они пользовались поддержкой населения в Ликаонии, Памфилии и других областях. Они осаждали города, напали даже на такой крупный центр, как Селевкия¹²³. В войне участвовали несколько тысяч латронов, и солдаты тоже иногда им сочувствовали. Латроны грабили корабли, парализовали судоходство у берегов Малой Азии. Движение было с трудом временно подавлено в конце 60-х годов IV в.

К движению латронов, как и к другим народным движениям, Аммиан Марцеллин относится с непримиримой, поистине классовой ненавистью, называя их «остервеневшей от голода и отчаяния толпой»¹²⁴.

Для характеристики социально-политических взглядов Аммиана очень показательным его отношение к известному восстанию Прокопия (365—366 гг.), потрясшему Восточную Римскую империю в правление императора Валента. Первоначально политические цели, которые ставил себе Прокопий, — свержение ненавистного режима Валента и защита интересов горожан, в первую очередь куриалов, — в какой-то мере импони-

¹¹⁴ A m m i a n. M a r c., XXIX, 4.4. Галатские кушцы повсеместно продавали готов в рабство, не разбирая их сословных различий (XXII, 7.8).

¹¹⁵ Ibid., XXII, 7.2.

¹¹⁶ Ibid., XXVI, 3.4. Один сенатор в Риме отдал своего раба с преступной целью в обучение специалисту по колдовству. Этот сенатор таскал за собой по Риму толпы рабов.

¹¹⁷ Ibid., XXIII, 6.80.

¹¹⁸ Ibid., XXVIII, 1.55.

¹¹⁹ Ibid., XXVIII, 1.55.

¹²⁰ Ibid., XXXI, 6.5.

¹²¹ Ibid., XXVIII, 2.11.

¹²² Ibid., XIV, 2.1—3; XIV, 2.5; 2.8—20; XIX, 13.1.

¹²³ Ibid., XIX, 2.20.

¹²⁴ Ibid., XIV, 2.14. См. В. Д. Н е р о н о в а. Аммиан Марцеллин о варварах. — «УЗ Пермского гос. ун-та», № 143, Исторические науки, 1966, стр. 79—80.

ровали Аммиану. Но превращение этого заговора против императора из борьбы претендентов на императорский престол в широкое народное движение оттолкнуло от восстания знать и зажиточных горожан и совершенно изменило позицию нашего историка. Вражду и злобу автора вызывает то, что Прокопий в какой-то степени опирался на народные массы Константинополя, на простых солдат и варваров-готов. Народ Константинополя сперва не оказал Прокопию ни сопротивления, ни сочувствия. Но затем поддержал его из-за недовольства грабительской политикой правительства Валента. Его приветствовали беспорядочные крики черни, в курии столицы сенаторы разбежались и осталось одно простонародье¹²⁵. Аммиан глубоко возмущен тем, что узурпатор назначал на высшие государственные посты выходцев из низов и казнил представителей знати. Среди сторонников Прокопия, по словам историка, были поставщики кухонных припасов, придворные служители, продажные солдаты. Знать же бежала из столицы. Во время беспорядков выдвинулись люди, по определению Марцеллина, принадлежащие к подонкам общества, а представители высшей знати теряли свое высокое положение, подвергались ссылке и даже смертной казни¹²⁶.

Крайне не по душе Аммиану и то, что Прокопий проводил конфискацию имущества знати: историк хулит узурпатора за «посягательство на чужое добро»¹²⁷. Не меньше раздражает Аммиана Марцеллина и то, что при Прокопии варвары получили высокие государственные должности¹²⁸. Ему не нравятся связи Прокопия с готами и военная помощь последних узурпатору¹²⁹.

Аммиан упрекает Прокопия в заигрывании с солдатами и варварами, в недооценке услуг богатых горожан. Прокопий якобы был сам виноват в поражении восстания, ибо он не сумел использовать выгодную для него обстановку, когда «восточные провинции жаждали переворота, возмущенные строгим режимом»¹³⁰. Из-за своей нерешительности и медлительности «он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал»¹³¹. Немудрено, что вскоре Прокопий пал жертвой измены, был предан своими же сторонниками и казнен.

Разгром восстания Прокопия, по мнению Аммиана Марцеллина, — правое дело, но победа Валента постыдна, ибо за ней последовал террор и «она предала многих невинных в руки мучителей»¹³². Особенно осуждает Аммиан Валента за проскрипции против знатных лиц, ложно обвиненных в участии в восстании Прокопия¹³³.

Самого же Прокопия он считает мятежником и узурпатором. Он подчеркивает, что выдавшие Прокопия его приближенные сделали благое дело. Они предали не законного императора, а мятежника и нарушителя общественного спокойствия, их надо было, по мнению Аммиана, не казнить, как сделал Валент, а наградить¹³⁴. В целом Аммиан оценивает восстание Прокопия как грозный мятеж, причинивший неисчислимые бедствия Римскому государству.

Поистине уникальные сведения сообщает Аммиан Марцеллин о другом крупнейшем движении его времени — о восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в. Это единственное по своей полноте и достоверности сообщение современника, хорошо осведомленного о всех событиях, свя-

¹²⁵ A m m i a n. M a r c., XXVI, 6.17.

¹²⁶ Ibid., XXVI, 7.1.

¹²⁷ Ibid., XXVI, 8.13—14.

¹²⁸ Ibid., XXVI, 7.4.

¹²⁹ Ibid., XXVI, 10.3.

¹³⁰ Ibid., XXVI, 8.14.

¹³¹ Ibidem.

¹³² Ibid., XXVI, 9.13.

¹³³ Ibid., XXVI, 9.13—14.

¹³⁴ Ibid., XXVI, 9.10.

занных с этим восстанием, приведшим Восточную Римскую империю на край катастрофы. Ни один другой автор не оставил нам столь живого и правдивого рассказа о битве при Адрианополе и гибели императора Валента.

События конца 70-х годов IV в. рисуются Аммианом Марцеллином как картина мощного натиска варварских племен на Восточную Римскую империю. И, что самое важное, Аммиан убедительно показывает, как этот натиск варваров был поддержан народными массами внутри империи.

В 375 г., по данным Марцеллина, начался новый этап борьбы готов против империи; теснимый гуннами, «весь готский народ неудержимо наводнил Фракию»¹³⁵. Император Валент принужден был дать согласие на поселение готов в империи, поскольку он боялся их насильственного вторжения и вместе с тем надеялся в их лице найти новых рекрутов и новых налогоплательщиков для своего государства.

Аммиан не сообщает точного числа вторгшихся в империю готов, но нарисованная им картина очень внушительна: это переселение целого народа. По его словам, «бесчисленные толпы варваров» рассеялись по балканским провинциям империи¹³⁶. Аммиан очень правдиво, в согласии с другими источниками (Зосим, Иордан), вскрывает причины восстания вестготов. При этом он отнюдь не щадит военачальников и чиновников империи, а считает, что именно их притеснения, спекуляция, продажа готов в рабство вызвали голод среди варваров и послужили толчком к восстанию¹³⁷.

Чрезвычайно важны сведения Аммиана Марцеллина о том, что восстание вестготов поддержали колонны, рабы, горнорабочие Фракии и Македонии¹³⁸.

Восстание переросло в широкое народное движение. Затем оно слилось с общим наступлением различных варварских племен — готов, гуннов, алан, тайфалов и др. — на дунайской и рейнской границах. Нападения варваров на границы империи в верховьях Рейна и Дуная отвлекли силы западноримской армии и не дали возможности императору Грациану прийти на помощь Валенту, что во многом предопределило катастрофический разгром византийских войск под Адрианополем. Положение Валента было затруднено еще и народным восстанием в самом Константинополе¹³⁹.

Описание Адрианопольской битвы у Аммиана — лучшие страницы его труда, где автор поднимается до высот настоящего художника слова, живописуя с поразительной выразительностью страшные сцены сражения.

«Со всех сторон, — пишет он, — слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая с необычайной свирепостью, издавала боевой клич на погибель римлян... Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек зараз оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец, оба строя столкнулись, наподобие сцепившихся носами кораблей, и, тесня друг друга, колебались, словно волны, от взаимных движений...»¹⁴⁰. «Стон умирающих и раненых насмерть раздавался повсюду, вызывая ужас... Все кругом покрылось черной кровью, и куда ни обращался взор, громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела...»¹⁴¹.

Описание Адрианопольской битвы столь красочно, наполнено множеством таких жизненных деталей, что наводит на мысль о том, что

¹³⁵ Ammian. Marc., XXXI, 8. 5.

¹³⁶ Ibid., XXXI, 4.7.

¹³⁷ Ibid., XXXI, 4.11; 5.11.

¹³⁸ Ibid., XXXI, 6.4—7.

¹³⁹ Ibid., XXXI, 11.1.

¹⁴⁰ Ibid., XXXI, 13.1.

¹⁴¹ Ibid., XXXI, 13.4—6.

Аммиан писал эту картину хотя и не по личным наблюдениям, но по свежим рассказам участников сражения.

В этой битве сочувствие автора, конечно, всецело на стороне римлян. Аммиан — римский патриот, и хотя он не любит Валента, но Адрианопольский разгром для него национальное бедствие, поражение, наносящее страшный удар Римскому государству, римской национальной гордости.

В борьбе двух миров, римского и варварского, все симпатии Аммиана Марцеллина, конечно, как позднее Прокопия, Агафия и Симокатты, на стороне великого, гордого и, по его мнению, вечного Рима¹⁴². Аммиан хорошо понимает, сколь страшна была варварская опасность для империи: как ни один другой из писателей того времени, он отдает себе отчет о широком фронтальном наступлении варваров на Рим. И даже успешные походы Юлиана за Рейн — не более, как активная оборона от варваров. Никто другой из византийских историков раннего периода не показал с такой убедительностью поистине грандиозный размах борьбы Рима и варваров. При этом, с точки зрения Аммиана, для римлян в борьбе с дикими, свирепыми и коварными варварами хороши все средства: и подкуп, и обман, и натравливание одних варваров на других. В борьбе за спасение своей культуры от напора презренных варваров Рим, по мнению Аммиана, всегда прав.

Натиск же варваров изображается историком как разрушительный ураган, всеобщее бедствие для населения империи. Набеги варваров всегда носят грабительский и опустошительный характер, и борьба с ними — патриотический долг каждого римлянина.

Аммиан с горечью сетует об упадке былого могущества Римского государства и, как и Прокопий, с пренебрежением относится к другим, варварским и неварварским народам. Особого презрения заслуживают, по его мнению, дикие кочевые народы — гунны и аланы¹⁴³. Но даже персы, которых он считает могущественным и цивилизованным народом, рисуются историком в самом мрачном свете. Этот смелый и привычный к трудам народ, по его словам, мог бы покорить мир, но его угнетают междоусобия и внешние войны. Персы, хотя и великолепные воины, — свирепы, велеречивы, несносны, заносчивы в счастье и несчастье, жестоки, снимают с живых людей кожу целиком или по частям, дурно обращаются со слугами и рабами, имеют суровые законы¹⁴⁴.

Презрительное и предвзятое отношение писателя к соседним с империей народам совпадает с политическими взглядами Прокопия и является ярким свидетельством их приверженности к консервативным идеалам Древнеримского государства и римской миродержавной исключительности.

Но надо сказать, что этнографические и географические экскурсы о различных странах и народах (Египет, Персия, Малая Азия и др.), приводимые в труде Аммиана, отличаются широтой знаний, написаны как по личным наблюдениям, так и на основании ценных источников и отражают уровень науки его времени¹⁴⁵.

Центр тяжести повествования Аммиана лежит в освещении преимущественно политической истории; внутренняя, социально-экономическая

¹⁴² В. Д. Н е р о н о в а. Указ. соч., стр. 65—69; «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 27 сл.

¹⁴³ Die Hunnenbeschreibung bei Ammianus, Sidonius und Jordanis.—«Wienerstudien», t. LVIII, 1940, S. 119 f.

¹⁴⁴ A m m i a n. M a r c., XXIII, 6.75—84.

¹⁴⁵ Ценность географических экскурсов Аммиана подвергалась в науке сомнению. См. Th. M o m s e n. Ammians Geographica.—«Hermes», 1887, t. XVI, p. 602—635. За последние годы ученое имя Аммиана было реабилитировано и подтверждена достоверность географических сведений, содержащихся в его труде. См. L. D i l l e m a n. Ammien Marcellin et les pays de l'Euphrate et de Tigre.—«Syria». «Revue d'art orientale et d'archéologie», t. XXXVIII. Paris, 1961, pp. 87—158.

история римского государства IV в. отражена в его труде значительно меньше. Однако данные Марцеллина о разорении провинций, народных восстаниях, варваризации войска, разложении знати, о неустойчивости императорской власти и постоянной борьбе за престол показывают с большой жизненной правдой кризис рабовладельческого строя, охвативший в IV в. как Западную, так и Восточную Римскую империю¹⁴⁶. Невольно напрашивается аналогия с «Тайной историей» Прокопия, где так убедительно изображен внутренний распад империи Юстиниана.

Для истории классово-войсковой борьбы в империи: движения багаудов и латронов, восстания Прокопия и особенно восстания вестготов на Дунае, труд Аммиана Марцеллина — лучший источник из всех ныне известных памятников. Достоверны его данные и по военной истории империи IV в.¹⁴⁷

Правда, Аммиан явно преувеличивает мощь Римского государства, подчеркивает, что соседние народы чтут Рим¹⁴⁸. Ему самому, проникнувшему римским патриотизмом, очень хочется верить в былую силу и непобедимость Римской державы.

Вместе с тем, Аммиан ясно видит внутренний упадок Рима, хотя и не понимает его истинных причин. Для него главное — деспотизм государей и своекорыстное поведение чиновной бюрократии, забывших общие интересы ради личных. «Великолепный блеск Рима терпит ущерб от преступного легкомыслия немногих»¹⁴⁹, — пишет Аммиан.

С горечью должен признать историк отступление Рима перед внешними врагами: Персией и варварами. И невольно напрашивается вывод, что в IV в. Рим от завоевания варварами спасала не столько его сила, сколько разобщенность его врагов. Когда же варварские племена действовали согласованно, да еще объединялись с восставшими народными массами внутри империи, как это было во время восстания вестготов на Дунае, тогда Рим терпел тяжкие поражения.

Этим поражениям во многом способствовало начавшееся разложение армии. Аммиан с грустью говорит об упадке дисциплины в римских войсках: вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки, не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати. Солдаты позволяли себе наглость и грабежи в отношении сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие¹⁵⁰. Офицеры на войне обогащались, вели праздную жизнь. Аммиан осуждает императора Валентиниана I за то, что он без меры возвысил военных, карал простых солдат и щадил командиров. Те, пользуясь безнаказанностью, стали творить невероятные преступления и, возомнив о себе, думали, что судьба всех без различия зависит от их кивка¹⁵¹.

Аммиан показывает, что наиболее опасным врагом империи в IV в. были варвары, но их союзники, угнетенные народные массы — крестьяне, колонны, рабы, горнорабочие — играли также активную роль в борьбе против Римского государства. В раскрытии, независимо от воли автора, активной роли народных масс в истории Римской империи — огромная заслуга Аммиана Марцеллина. Это достоинство выдвигает его труд на одно из первых мест среди источников по истории Западной и Восточной Римской империи в IV в.

¹⁴⁶ В. Д. Неронова. Отражение кризиса Римской Империи в «Истории» Аммиана Марцеллина. — УЗ Пермского гос. ун-та, т. XX, вып. 4, 1961, Исторические науки, стр. 71—101.

¹⁴⁷ E. von N i c h e r. Das römische Heer und seine Generale nach Ammianus Marcellinus. — «Hermes», 63 (1928), S. 430 ff.; В. И. Х о л м о г о р о в. Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцеллина. — ВДИ, 1939, № 3, стр. 87—97.

¹⁴⁸ A m m i a n. M a r c., XIV, 6.6.

¹⁴⁹ Ibid., XIV, 6.7.

¹⁵⁰ Ibid., XXII, 4.6—7.

¹⁵¹ Ibid., XXVII, 9.4.

Заканчивая рассмотрение вопроса о мировоззрении Аммиана Марцеллина, мы можем прийти к некоторым выводам. Аммиан Марцеллин, на наш взгляд, принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим взглядам объективно поддерживала идеологию старой римской senatorской аристократии. Это нашло свое выражение как в консервативной идеализации римского исторического прошлого и прославлении могущества Римского государства, так и в отстаивании античных культурных традиций и языческих религиозных представлений. Но это еще далеко не самое главное. Неизмеримо важнее было то, что языческая интеллигенция, недовольная деспотизмом императоров и чиновной бюрократии, нашла опору в своих оппозиционных выступлениях именно во фрондирующей против системы домината и господства христианской церкви высшей рабовладельческой знати. Столь влиятельная политическая поддержка senatorской аристократии и дала возможность оппозиционно настроенным историкам, подобным Марцеллину, открыто высказывать свои политические взгляды.

В своих разоблачениях произвола императоров и чиновников Аммиан был далеко не одинок: эти обличительные тенденции можно проследить и у Ливания, Евнапия, Зосима¹⁵². Еще любопытнее, что проповедь оппозиционных идей продолжается в трудах более поздних византийских авторов и доходит до своей кульминации в «Тайной истории» Прокопия.

Аммиана Марцеллина и Прокопия роднит как общая для них приверженность к античной цивилизации, недоверие и ненависть к варварам, так и социально-политические идеи защиты крепкой монархической власти, опирающейся на высшую аристократию, и резко отрицательное отношение к низшим классам общества.

Особенно же поражает одинаково страстный обличительный характер исторических сочинений того и другого историка.

Таким образом, Аммиан был одним из основоположников того оппозиционного направления в историографии, которое выступило в угоду senatorской знати против государственной централизации и деспотизма императоров эпохи домината и ранней Византии. В этом отношении византийская историография раннего периода, особенно в лице Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты, непосредственно продолжает и развивает идеи, заложенные в труде Аммиана.

Это, конечно, отнюдь не исключает существования значительных различий в идейно-политической и философской направленности трудов Аммиана и Прокопия, Агафия или Феофилакта Симокатты. С течением времени явственно изменяется отношение историков к христианству, становясь мало-помалу все более ортодоксальным (Феофилакт Симокатта)¹⁵³, меняются философско-этические концепции, модифицируется отношение к варварам (Агафий)¹⁵⁴. Однако не это является, на наш взгляд, решающим. Важно, что начиная с Аммиана в историографии все явственнее обособляются два основных течения: светское, опирающееся на античные традиции и оппозиционное к христианской монархии, и церковно-христианское, проводящее библейскую концепцию всемирной истории и послужившее основой средневекового летописания¹⁵⁵. Они продолжают параллельно развиваться, оказывая друг на друга огромное взаимное влияние вплоть до середины VII в.

Все сказанное позволяет нам считать Аммиана Марцеллина не только последним великим римским историком, но и первым византийским историком, зачинателем светского течения в историографии ранней Византии.

¹⁵² Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 89 сл.; «История Византии», т. 1, стр. 18 сл.

¹⁵³ «История Византии», т. 1, стр. 40.

¹⁵⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵⁵ Там же, стр. 41 сл.